

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

25 МАР 1980

Живет в городе Миассе, недалеко от Челябинска, старый-старый актер. Имя его — Леонид Леонидович Оболенский. Не так давно, включив радио, он услышал сообщения о завершившемся в Монте-Карло XX Международном фестивале телефильмов и телепрограмм. «Золотая нимфа» — приз за лучшее исполнение мужской роли, сообщало радио, — присуждена советскому актеру Леониду Оболенскому, снявшемуся в телефильме «На исходе лета».

Премьера этого фильма на наших телеэкранах состоялась в минувшее воскресенье.

Расстояние дальше, в 60 лет (подумать только — целая жизнь советского кино!), отделяет сегодняшний триумф актера от тех далеких дней, когда юный красноармеец из Екатеринбурга переступил порог мастерской одного из основателей нашей киношколы Льва Кулешова.

— Стипендии тогда не платили, — рассказывает Леонид Леонидович, — и я подрабатывал на эстраде. Танцевать в киношколе учили превосходно, и однажды меня рекомендовали Мейерхольду, как чечеточника, который может научить танцам артистов театра. У них шел «Великодушный рогоносец», играл И. Ильинский! Играла М. Бабанова! На репетиции ко мне подошел складный, ритмичный молодой человек, который клялся, что чечеткой ему никогда в жизни не овладеть. Это был Сергей Эйзенштейн. Мы шли вечером по Покровской, и я рассказывал ему о занятиях у Кулешова, о чуде кино, перевернувшего все мои привычные представления об искусстве. В кино-массовках за несколько длящихся секунд в жестах-метафорах, в лицах-символах можно отличить десятки человеческих характеров. Ведь зримый образ — это то, что отбирает единственно важное, необходимое.

Позже Эйзенштейн подарил Оболенскому альбом рисунков Домье с надписью: «Другу, соблазнившему меня кино».

Вместе с Эйзенштейном, Васильевым и Кулешовым он преподавал в киноинституте, снимался. Среди актерских работ этого могикана немного кино — участие в знаменитых кулешовских «Необычайных приключениях мистера Веста в стране большевиков», «На красном фронте», «Луче смерти», в фильмах Вс. Пудовкина «Потомок Чингис-хана» и Я. Протазанова «Праздник Святого Иоргена».

Вещи многое могут рассказать о человеке — так думаешь, рассматривая уникальную коллекцию старинных часов Андрея Афанасьевича, героя Оболенского в телефильме «На исходе лета». В маленькой же квартирке Леонида Леонидовича на проспекте Чернышевского нет и следа привычного актерского комфорта: почти походная кровать, стол, за-

ИМПУЛЬС МОЛОДОСТИ

валенный бумагами, несколько стульев, выдавшая виды пишущая машинка.

И всюду кипы фотографий. Он не пишет мемуаров. Он весь в словах, неподражаемых жестах, смешных ужимках, похотывающем юном смехе, полетах мысли и быстрых речах. Мемуары — это то, что ушло, это сожаление, а для него прошлое зримо только тогда, когда дает импульс жизни сегодня, сейчас. Отсюда и увлеченность фотографией — этим мгновенно схваченным кусочком жизни.

В Миассе он создал фотоклуб «Импульс», вокруг которого собрались энтузиасты фотографии.

— Это безумно интересно, — спешит сказать Оболенский. — Все эти встречи, обсуждения, подготовки к выставкам. Видите, я сам сменил кинокамеру на фотоаппарат. «Импульс» — это самый интересный кусочек в моей жизни.

На стендах смеются босонogie негрятя и их ласковая, нежная мама. Тихо подкатывают волны Мирового океана. А за бортом огромного корабля плывет мираж Антарктиды — то, о чем и вовсе не расскажешь словами. Снимки прислал в Миасс друг Оболенского, судовой врач П. Магомедов.

Как и фотография, телевидение тоже когда-то стало для Леонида Леонидовича открытием, прорывом в мир неповторимых мгновений человеческой открытости. Этому элегантному человеку с лицом, поражающим странной соединением благородной значительности и простодушной детской наивности, была обещана незаурядная актерская судьба, но он ушел в жизнь, порой невыносимо трудную, в бесконечный поиск и скитания. Занимался звуковыми экспериментами, осваивал новую кино- и телеаппаратуру. Челябинцы вспоминают становление местной студии телеви-

дения — и, конечно, Оболенского. Он вытаскивает свою старенькую легкую камеру.

— Вот так я и путешествовал по колхозам, стройкам, детским садам. Люблю общаться. А прямой репортаж — это прелесть что такое. Прямо на глазах у тысячной аудитории раскручиваешь пружину проблем, конфликтов. Сам себе и сценарист, и оператор, и режиссер.

Жизнь Оболенского в искусстве неотделима от его самых прозаических будней. Когда он рассказывает о своих ролях, вдруг начинает казаться, что он не о героях — о себе говорит.

— В жизни мне больше приходится играть маленькие роли, вторых героев. При этом я всегда вспоминаю слова выдающегося нашего режиссера и актера В. Гардина: «Когда будешь сниматься в эпизодах, — говорил он мне, — помни, что это не эпизод в картине, а эпизод в твоей содержательной жизни». Может быть, это и дало моим маленьким ролям второй план. По тексту роль Андрея Афанасьевича в телефильме «На исходе лета» тоже небольшая. Вы знаете, как-то она мне не понравилась с самого начала. Ведь пьеса очень простая, чуть сентиментальная, иногда до наивности. И тема вроде бы довольно банальная. Все актеры, в том числе и я, начали сопротивляться материалу. А в результате сыграли самих себя. И тогда оказалось, что дело не столько в том, что внук посочувствовал деду: взял на себя заботы о нем (фильм первоначально назывался «Возьму на крыло»), сколько в том, что два человека вдруг поняли друг друга. По сценарию в финале фильма, когда внук приводит меня к себе в общежитие и предлагает там остаться, я должен был плакать от счастья. А я не смог, потому что это неправда, и тогда в последнем варианте я просто удивляюсь: быть может, это все сон, мечта? И я думаю, что «Золотая нимфа» присуждена нашей старой актерской школе. «Никогда не прикидывайся кем-то в игре, будь самим собой», — так учил меня Кулешов.

Над кипой фотографий в комнате Леонида Леонидовича возвышается удивительная поделка — странный, чуть неуклюжий Дон Кихот с кинокамерой в руке. Иногда кажется, что он летит куда-то вдаль, вслед за мыслью нашего хозяина.

Е. ЧЕКАЛОВА,
наш спец. корр.

МИАСС.

Фото Э. Комарова.